



Ольга Макарова

Московский вопрос или  
история одной Квартиры

18+

# **Ольга Дмитриевна Макарова Московский вопрос, или история одной Квартиры**

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=33573834](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33573834)*

*SelfPub; 2020*

## **Аннотация**

Пьеса о том, как квартирный вопрос «портил, портит и будет портить москвичей». О том, как некоторые Квартиры превращаются в музеи, а их жильцы – в зрителей.

# Содержание

Место действия:	4
Действующие лица:	5
Пролог.	7
Действие первое.	9
Действие второе.	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

## **Место действия:**

Квартира в центре Москвы, в министерском доме советской постройки, на сцене представлена комнатой – залом.

В центре комнаты два деревянных стула, с мягкой обивкой, старые красивые добротные стулья. Между ними стол. На столе чайный сервиз, конфетница. Несколько папок, книги, фотоальбомы, листы белой бумаги, ручки и карандаши в стакане. По стенам друг напротив друга еще две пары стульев. В углах два кресла.

## Действующие лица:

Галина Туманова: сорок три года, преподаватель английского языка, разведена (есть дочь двадцати одного года, учится в Санкт-Петербурге, живет там же у деда – отца Галины).

Игнат Банин: младший брат Галины, тридцать пять лет, без определенного рода занятий.

Цаплины:

Марк: сын Виктории Викторовны, московской чиновницы высокого ранга. Маменькин сынок, служит под маминым началом. Сорок три года, недалекий, слабохарактерный.

Марина: жена Марка, тридцать лет, девушка яркой внешности, вычурно одета, плохо воспитана, наглая, хамоватая.

Вадим: агент Цаплиных

Брейдо-Агишевы:

Валерия Брейдо-Агишева: девушка тридцати лет, дочка богатого папы «бизнесмена».

Руслан Агишев: второй муж Валерии, на пять лет моложе ее, из многочисленной семьи, занимающейся в Москве ресторанным делом.

Инесса Павловна: агент Брейдо-Агишевых, дама средних лет, акула в своем деле.

Александр (Шурик): агент Игната, от двадцати до тридцати лет, хитрый парень, прикидывающийся простачком.

Оксана Лаврухина: невеста Игната, двадцать семь лет, покоряющая Москву провинциалка, шустрая, пробивная, работает в Банке.

Лидия Яковлевна: соседка по общему коридору, пожилая женщина, живущая одна, с признаками деменции.

# Пролог.

Игнат и Галина в комнате, сидят за столом.

Игнат просматривает папку с документами.

Игнат: Цаплины вчера дали аванс. Помнишь, приходили: Он – «Божий одуванчик» и Она – «палец в рот не клади – откусит»?

Галина: Да, неприятная такая. Как будто я ее где-то видела, не могу вспомнить.

Игнат: Вряд ли, просто таких размалеванных много, и все на одно лицо.

Галина (нервно): Так ты, все-таки, решил продать нашу квартиру?

Игнат (отмахиваясь, уткнувшись в документы): Да, да.

Галина: Почему меня не спросил, прежде чем аванс брать?

Игнат: Не хотел скандала, ты всегда против. Против всего и против всех.

Галина: Но это и моя квартира.

Игнат: Кто спорит? Тебе половина и мне половина.

Галина: А если я не соглашусь?

Игнат: Ну тогда я продам свою половину, а ты не соглашайся – будешь жить в коммуналке.

Галина (с досадой): Так только подлецы поступают.

Игнат (ехидно): Какой подлец! В тридцать пять лет захо-

тел жить отдельно от сестры. Как он посмел?

Галина (устало): И что теперь?

Вытаскивает из папки какой-то документ, встает.

Игнат: Так, я поехал. Мне к Шурику надо обговорить детали сделки и в БТИ еще успеть бы заскочить. Они придут сегодня, зал им покажешь, а то они в прошлый раз не видели – ты ж закрыла и ушла с ключами.

Выходит из комнаты.

Галина остается за столом, слышится квартирный звонок. За сценой Голос Игната, впускающего Цаплиных в квартиру: Проходите в зал, там сестра она вам все покажет. А мне надо по делам.



## Действие первое.

Марк и Марина Цаплины у входа в комнату. Галина поднимается им навстречу.

Галина: Заходите, только разуйтесь, пожалуйста. В прошлый раз я не открыла – тут очень пыльно было – сюда больше года никто не заходил. А вчера я тут убиралась, пол помыла.

Марина: Да у меня чистые туфли-то, я ж по улице почти не хожу – в машину и из машины только. Мы уже бахилы надели и так.

Галина молча смотрит на Марину, давая понять, что спор неуместен.

Марк: Да без проблем, разуемся, все-таки, почти что дома, уже. (Разувается, входит в комнату, осматривается с довольной улыбкой).

Марина (недовольно-капризным тоном): Маркуша, помоги мне – туфлиними, здесь не присядешь, а стоя я не могу.

Марк послушно возвращается к жене, встает перед ней на колени и снимает с нее туфли.

Марина (Марку): Чего ты возишься так долго?

После того, как все разулись, Марина демонстративно достает из сумки чистые бахилы – надевает их на ноги, дает Марку, чтобы тот тоже надел бахилы на носки. Они проходят в комнату, шурша ногами, Марина садится на стул у сте-

ны, достает из сумки салфетки, вытирает руки и протягивает салфетки Марку: На, руки вытри! А то будешь потом грязными руками в машине все хватать.

Марк: Спасибо, солнышко, Мариночка. (ходит по комнате, вытирая руки)

Галина молча наблюдает эту сцену, сидя за обеденным столом, на стуле, стоящем слева, берет листок бумаги и ручку и что-то рисует на нем.

Марина (сморщив нос): Запах неприятный какой-то. Вы кошек держали?

Галина (не поднимая глаз от листа): Нет, кошек давно не было. Последний кот еще при бабушке был отправлен в деревню к ее сестре. Я его подобрала на остановке – злющий оказался, кусачий. Бабушку покусал, у нее рука распухла, обездвижилась, уколы делали ей. А Игнат все дразнил меня: «Зачем ты бабушку покусала?».

Марина (недовольно): Это неважно, не надо мне рассказывать. А что бабушка ваша здесь умерла? Здесь, вообще, кто-то умирал?

Галина (медленно, тихим голосом): Здесь никто не умирал. Умирили все в больницах – дедушка, потом мама. Потом бабушка. А вот поминки здесь справляли, последние по бабушке – почти полтора года назад.

Марина (фыркает): Ужасно! (Встает со стула, начинает ходить по комнате с недовольным лицом)

Марк подходит к столу, рассматривает свободный стул,

трогает его, потом садится и придвигает к себе папку, лежащую на столе.

Марк: А мебель нам оставите? Старинная? Документики посмотрю?

Галина: Извините, (замечает, что Марина села в одно из кресел, согнув ноги в коленях и поставив их перед собой, на кресло) Вы, пожалуйста, встаньте. Это бабушкино кресло. Она в нем целыми днями сидела. (видит, что Марк открыл папку): Зачем Вы ее взяли? Не ищите там, где не прятали! Я все документы уже показывала Вашему агенту, он их фотографировал. Владимир, кажется. Я уже запуталась.

Марк: Вадим. Вадим Михайлович. Они с мамой позже подъедут, пробки, знаете. Поехали смотреть еще одну квартиру. Маме так спокойнее. Хотя, я ей сказал, что мне эта больше нравится: и просторнее и до метро пять минут. Я же не за рулем. Это Мариночка у меня водитель-ас. (смеется) Но с мамой спорить бесполезно. Все-таки, двадцать лет на госслужбе!

Галина (с неприязнью): Представляю себе, в свое время пришлось столкнуться с одной дамой «на госслужбе». Думаю, с тех пор мало что изменилось. Не ищите там, где ни прятали.

Марина (как ошпаренная вскакивает из кресла): Галина Ивановна? Марк, это ж моя училка по английскому. Так постарела, не узнать! Если бы не ее любимая фразочка: «Не ищите там, где не прятали»! Это она моей мамке так про

мои способности говорила: «Не ищите там, где ни прятали»! И все время пары мне ставила. А потом, вообще, скандал был. Мы должны были в Англию ехать, по школьному обмену, а она (показывает пальцем на Галину) говорит: «Марина не должна ехать, должна ехать Аня – у нее талант к языку, девочка из неблагополучной семьи, ей эта поездка поможет в жизни». Ну, прикинь? Мамка моя в «РА-НО» работает, а ей простая училка такие вещи задвигает. Короче, мамка моя директора, завуча к себе вызывает. Я поехала, а эту (смотрит на Галину) в другую школу бортанули – для детей из неблагополучных семей, вместе с ее любимой Аней. Вот так вот!

Марк: Вот это да, Мариночка! Только не «РА – НО», а в РОНО – районный отдел народного образования, так это называлось.

Галина (с презрением): Да, я тебя тоже вспомнила. Ну, что тебе дала та поездка? Что на Родине Шекспира побывала – что в торговый центр сходила, все равно. Тряпок накупила, которые истерлись все давно и чемодан жвачек. Год потом ходила, как корова, с несмыкающейся челюстью. А я ни сколько не жалею, что ушла из вашей «благополучной» школы, где дети не об учебе думали, а о том, как больше выделиться – тряпками, украшениями, деньгами. Я Анечке и другим деткам, которым не так «повезло» с родителями, помогала. Занималась с ними бесплатно. Они все сейчас при деле – один мальчик даже программистом работает в английском банке. А Аня в МГИМО сама поступила, сейчас замужем за

дипломатом и в Ирландии живет. И муж у нее красавец, молодой, из хорошей семьи. А у тебя что? Даже он (оценивая-ще смотрит на Марка) для тебя хорош слишком. Присмотритесь, Марк, жена Ваша – пирог с ничем.

Марк (растерянно): Давайте не будем ссориться! Лучше обговорим сделку.

Галина: Да что Вы? Не будет никакой сделки! В этой квартире мама моя родилась, я, мой брат, моя дочка. Мне плохо уже от того, что Ваша Марина этот пол топчет.

Марина (визжит): Как это не будет? Мы же аванс дали Игнату! Марк, он же взял аванс у тебя? Почему ты ей не ответишь, как следует? Она же меня оскорбляет!

Марк (вскакивает со стула, подбегает к Марине и встает у нее за спиной, и из-за спины начинает выкрикивать): Да, Галина Ивановна! Что Вы себе позволяете? Я сейчас маме позвоню. Мама у меня не последний человек в Москве! По-другому заговорите!

В комнату вбегает соседка Лидия Яковлевна в домашнем платье и тапочках.

Лидия Яковлевна: Галочка, что у Вас случилось? Дверь открыта. Слышу крики, думаю, побегу, может, помощь нужна?

Марина: Нужна! Психушку вызывайте соседке своей срочно, то – продаю квартиру, то – не продаю. (поворачивается к Марку): Звони своей маме! И братцу этой сумасшедшей позвони! Ты, когда аванс давал, брал с него расписку,

где она?

Марк (растерянно): Брал, да. Где? Не помню, может в сумке в машине, надо поискать.

Марина: Ничего не можешь сам сделать по-человечески! (толкает Марка к выходу из комнаты): Иди, ищи.

Марк: Мариночка, мне кое-куда забежать нужно. Галина Ивановна, можно воспользоваться удобствами?

Марина: Потерпишь! Не позорь меня!

(Цаплины уходят, слышен жалобный голос Марка: Я быстренько сбегая, я уже не могу...)

## Действие второе.

Галина: Чаю, Лидия Яковлевна? Нужно успокоиться. (встает, отодвигает подальше бумаги и документы, разливает чай в чашки себе и соседке, придвигает с дальнего края стола конфетницу)

Лидия Яковлевна присаживается на свободный стул у стола.

Лидия Яковлевна: Галочка, вы продаете квартиру? Да как же так? Ведь ее дедушке вашему за заслуги перед Отечеством дали. Как они с Анной Тимофеевной гордились!

Галина: Игнат настаивает, говорит, нужно разъехаться.

Лидия Яковлевна (не слыша Галину, продолжает вспоминать): Праздники какие здесь были! Людей сколько! Со своими стульями приходили. Песни пели. Детишки бегали, визг какой стоял – под столом всех за ноги хватали. Ты помнишь, Галочка? Ты маленькая, Сонечка моя, Саша и Андрюша Масловы из тридцать седьмой, Леночка из двадцать второй, Максимовы сверху, снизу детишки – всех и не вспомнишь. Магнитофон у вас был из Японии, настоящий. Вот у той стены стоял на тумбочке. Игнаша ползал рядом, толстый такой, забавный, подпевать пытался, смеялся во все горло. Помню, Василий Игнатьич из Чехословакии вернулся, люстру привез, наряды Анне Тимофеевне и Ниночке, подарки всем. Мне сумку. Ой, какая была сумка! Пришлось продать.

В девяностых... Повесили люстру – и в тот же вечер праздник. Я как вошла сюда, так и остолбенела. Люстра сверкает, переливается – подвески, как гроздья винограда висят – по всем стенам блики, в стенке – хрусталь начищенный сияет, вазы, бокалы. На столе – чего только нет. Одной колбасы – три вида. Анна Тимофеевна в пепельном парике, в клетчатом костюме, бусы красные, как Татьяна Доронина. Мама твоя в парче зеленой, юбка-колокольчик, прическа, как у Людочки Гурченко. Игнашу нарядили в костюм. Важный, толстый, смотрит из подлобья. Я ему говорю: «Ну что, Игнат Иванович, замминистра будешь, как дедушка?». А он сидит, хохочет – два зуба сверху, два зуба снизу... Ведь он в гробу перевернется, дедушка ваш! Простой парень из деревни, из крестьянской семьи – каких высот достиг! Все сам. Как бабушка и мама твоя гордились Квартирой, Галочка! Как же можно продавать? Чужие люди будут жить! У меня аж сердце заходится. (пауза, пьет чай): А где же теперь та люстра?

Галина (очнувшись от воспоминаний): На даче осталась. Запылилась – мама решила ее протереть, и уронила. Что смогли, собрали – отвезли на дачу... Дед на бабушку кричал сильно: «Ты зачем девочке тряпку в руки дала, сама не могла помыть?». Я плакала – жалко было бабушку, Игнат ревел... Не тянем мы эту квартиру, Лидия Яковлевна. Метраж такой, что на квартплату половина моей зарплаты уходит. А мне, ведь, еще Аленочке и папе помогать надо. Она – студентка, он-пенсионер. Они, хоть и не просят никогда, но всегда рады



помощи.

Лидия Яковлевна: Да, что и говорить. Жили-жили, ни у кого не занимали – и, вдруг, всем должны оказались. Платим, платим, все никак не выплатим! Я сама почти всю пенсию каждый месяц отношу, хорошо, мне Сонечка помогает. А куда они их девают, денежки-то наши? Зою недавно встретила с двенадцатого этажа, помнишь, портниха Анны Тимофеевны? Она говорит – крыша худая – никто не чинит, замучилась потолок красить – чернеет постоянно. Говорит: «Я бы поменялась, уехала отсюда, но комнату сыночка не хочу трогать. Там все, как при нем было. Иногда зайду, посижу, словно бы он там, рядом, вышел и сейчас вернётся...» ... А сынок-то у нее непутевый был, Костик, помнишь? К ней придут мерки снимать, а он по сумкам шарит, пока мать занимается с клиенткой. У кого трешку, у кого рубль – чтоб не очень заметно было, а у бабушки твоей двадцать пять стащил однажды. Ну уж тут все сразу всплыло – и трешки, и рубли, и червонца, один раз, кто-то не досчитался. Ой, Зойка тогда ходила – белее выкройки. Просила дела твоего – замять, помочь. Ну дед твой – золотой человек был – он с милицией и с военными договорился, Костика в летное училище пристроили, куда-то. Вернулся – другой человек. Что за парень стал, Галочка! Помнишь? Жалко-то как, молодой такой был, красивый...

Галина (горько усмехаясь): Костю я очень хорошо помню, Лидия Яковлевна. У меня же дочка Алена Константиновна.

А Алена папу не помнит. Маленькая была, когда он погиб. Слышала я, как Зоя Александровна прибежала к нам и билась в истерике: «Лучше бы его в колонию отправили, отсидел бы пять лет, зато был бы жив сейчас! А теперь мне даже похоронить некого. Мой сыночек весь по крупиночкам разлетелся в этой пустыне проклятой! Что ж Вы, Василий Игнатьич, не могли сделать так, чтоб его в штабе оставили? Могли же, но не сделали! Почему? За что Вы убили моего мальчика?». Дед вышел ей навстречу, коленки у него тряслись, но говорил спокойно: «Зоя, война – есть война. У меня отец погиб, и я один из семи братьев остался – мал был для войны. Не кричи, не буди маленькую». Я сама не видела, я Аленку спать укладывала, мне бабушка рассказала, как Зоя Александровна молча сползла спиной по стене на пол и встать не могла, скорую ей вызывали. С тех пор она с нами не здоровалась, ни меня, ни даже Алену видеть не хотела. А у деда вскоре после этого инфаркт случился.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.